

сказѣ показано то, что составляетъ и внѣшній фонъ нашей жизни и ея внутреннюю глубину, и люди въ немъ показаны во внѣшнемъ чисто матеріальномъ движеніи и въ сферѣ внутренней, въ движеніи души, въ минутныхъ общеніяхъ съ этой своей сферой. Толстой какъ художникъ всегда отличался особенностью показывать жизнь и человѣка какъ бы на двойномъ планѣ: въ выпукло, рѣзко изображенномъ внѣшнемъ его жизни, во всемъ матеріальномъ, предметномъ, и, показавъ это внѣшнее читателю, художникъ чудомъ какимъ-то освѣщаетъ глубину непрерывныхъ, длительныхъ, сложныхъ внутреннихъ состояній и переживаній. Одинъ изъ первыхъ серьезныхъ критиковъ Толстого публицистъ Чернышевскій отмѣтилъ уже послѣ первыхъ произведеній писателя эту его черту.

Переломъ въ міросозерцаніи, вѣрнѣе даже не переломъ, а рѣшительный переходъ къ служенію своему единому и всегданнему императиву, обогатилъ художника новымъ матеріаломъ чувствъ и углубилъ постиженіе жизни. Идея о внутреннемъ знаніи истины и о прислушиваніи къ ней въ собственной душѣ подкрѣплена художникомъ; для нея найденъ жизненный матеріаль, который ее выявляетъ. Рассказъ приводитъ къ этой найденной мыслителемъ истинѣ:

— «Я со всѣми людьми имѣю только